

Приобщение к этому кружку рассматривается обычно только как уклонение Островского от главного пути реалистического изображения действительности. Все положительные стороны таких пьес, как «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок», обычно выводят из того, что Островский создавал их вопреки идеям кружка, а значение этих пьес видят только в том, что и в них Островский продолжал разоблачение «темного царства».

Конечно, общение со славянофилами внесло фальшивые ноты в такие пьесы, как «Не в свои сани не садись». Но Островский смог извлечь из общения с «молодой редакцией» и нечто для себя весьма полезное.

Не ставя перед собой задачу дать оценку роли, сыгранной «молодой редакцией» «Москвитянина» в истории русской общественной мысли и литературы, укажем только на следующее.

Отмечая в одном письме к Кошелеву, что отличает «молодую редакцию» от старших славянофилов, Аполлон Григорьев писал: «Главным образом мы расходимся с вами во взгляде на искусство, которое для вас имеет только служебное значение, для нас совершенно самостоятельное, если хотите, даже высшее, чем наука»¹³.

Известно, что Погодин и Шевырев оставили за собой в журнале «Москвитянин» политический и научный отдел, а «молодой редакции» передали отдел беллетристики и критики.

«Молодая редакция» занята была искусством и литературой, в которых видела выражение национального и духовного своеобразия народа. Разочарованные в буржуазной цивилизации, члены кружка обращались к старой допетровской эпохе, народному патриархальному укладу. Особое место среди их интересов занимали изучение и пропаганда народной песни. Не приходится сомневаться в том, что их понимание народной песни было окрашено в романтические тона и несло на себе печать их реакционной концепции. Но бесспорно и другое. Это изучение и пропаганда песни сыграли и положительную роль в истории нашей культуры.

Неслучайно сам Римский-Корсаков обрабатывал песни, собранные и записанные Тертием Филипповым, и считал его в этом вопросе непогрешимым авторитетом.

Островский разделял некоторое время славянофильские предрассудки и хотел даже с Тертием и Провом «Петрово дело назад повернуть».

Но отношения его с кружком вовсе не были гармоничными.

А. Григорьев принципиально не принимал никаких теорий. И все же он делал исключение для романтической теории Шеллинга, в частности для его учения о художнике. Отрицая мысль «головную» и предпочитая ей мысль «сердечную», А. Григорьев считал художника пророком, озаренным свыше и не подчиняющимся никаким законам. Такого художника видел он в Островском. И действительно, это был своевольный художник, который не подчинялся взглядам кружка, действовал по-своему.

Порой у нас пишут так: Островский *под влиянием славянофилов* представил купеческое сословие как близкое к народному бытовому укладу его нравам и обычаям.

На самом деле все обстоит иначе. Не потому изображал Островский купеческое сословие связанным с народным укладом и обычаями, что ему это подсказали славянофилы, а потому, что купцы эти действительно формировались из крестьян и действительно были связаны с патриархальным бытовым укладом. Этот факт подтверждается множеством документальных данных.

Достаточно сослаться на книгу С. М. Бостанджогло «Справочная книга о лицах, получивших в 1873 г. купеческие свидетельства по 1-ой

¹³ Григорьев А. Материалы для биографии. Пг., изд. Пушкинского дома, 1917, стр. 150.